

Научная статья
УДК 81`25:159.9

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-89-106>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

РЕЦИПИЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД: К ТОЖДЕСТВУ СОЗНАНИЙ

Сергей Владимирович Сахневич

Институт Деловой Карьеры, г. Москва, Россия
crash68@yandex.ru

Аннотация. Данное исследование предлагает новую феноменологическую модель переводческой деятельности, основанную на философии Эдмунда Гуссерля. Центральной проблемой является преодоление коммуникативной асимметрии между широким горизонтом сознания переводчика, обладающего глубокими лингвокультурными знаниями, и узким, утилитарным горизонтом сознания реципиента, ориентированного на решение конкретных задач. Целью работы явилось теоретическое обоснование реципиент-ориентированного подхода, при котором успех перевода измеряется не формальным соответствием оригиналу, а его способностью стать эффективным инструментом для действия и понимания получателя. Для достижения этой цели вводятся и раскрываются три ключевых концепта: «**эпистемологический интенсификатор**» (проактивный механизм накопления знаний о нуждах реципиента перевода), «**аналогизирующая апперцепция**» (когнитивный процесс проекции и адаптации к горизонту реципиента) и «**интерсубъективный агент**» (переводчик, активно строящий диалог между автором и реципиентом). Модель предполагает двухэтапный процесс конвергенции горизонтов, где переводчик добровольно сужает свой профессиональный кругозор, чтобы точно попасть в смысловое поле реципиента. Критерием успеха является отсутствие критики со стороны реципиента, что сигнализирует о феноменологическом тождестве сознаний и достижении коммуникативной адекватности.

Ключевые слова: феноменология перевода, горизонт сознания, реципиент-ориентированный перевод, интерсубъективность, аналогизирующая апперцепция, эпистемологический интенсификатор

Для цитирования: Сахневич С.В. Реципиент-ориентированный перевод: к тождеству сознаний// Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №1. – С. 89-106. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-89-106>

Original article

RECIPIENT-ORIENTED TRANSLATION: TOWARDS IDENTITY OF CONSCIOUSNESS

Sergey V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russia
crash68@yandex.ru

Abstract. This study proposes a new phenomenological model of translation activity, based on the philosophy of Edmund Husserl. The central problem is overcoming the communicative asymmetry between the broad horizon of the translator's consciousness, possessing deep linguistic and cultural knowledge, and the narrow, utilitarian horizon of the recipient's consciousness, which is oriented towards solving specific tasks. The aim of the work is to theoretically substantiate a recipient-oriented approach, wherein the success of a translation is measured not by its formal corre-

spondence to the original, but by its ability to become an effective tool for the recipient's action and understanding. To achieve this goal, three key concepts are introduced and elaborated: the «epistemological intensifier» (a proactive mechanism for accumulating knowledge about the recipient's needs), «analogizing apperception» (a cognitive process of projecting onto and adapting to the recipient's horizon), and the «intersubjective agent» (the translator actively constructing a dialogue between the author and the recipient). The model proposes a two-stage process of horizon convergence, where the translator voluntarily narrows their professional perspective to accurately target the recipient's semantic field. The criterion for success is the absence of criticism from the recipient, signaling a phenomenological identity of consciousnesses and the achievement of communicative adequacy.

Keywords: translation phenomenology, horizon of consciousness, recipient-oriented translation, intersubjectivity, analogizing apperception, epistemological intensifier

For citation: Sakhnevich S.V. Recipient-oriented translation: towards identity of consciousness, *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 89-106. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-89-106>

Введение

Настоящее исследование предлагает принципиально новую феноменологическую модель переводческой деятельности, основанную на философии Эдмунда Гуссерля и радикально пересматривающую традиционные парадигмы переводоведения. Современная теория перевода, несмотря на многовековую историю практики и обширный корпус исследований, продолжает оставаться в состоянии методологического кризиса, что проявляется в ее неспособности предложить удовлетворительное решение фундаментальной проблемы – **проблемы** коммуникативной асимметрии. Эта асимметрия возникает в ситуации, когда широкий горизонт сознания переводчика, обогащенный глубокими лингвокультурными знаниями, билингвальной компетенцией и профессиональным опытом, сталкивается с узким, утилитарным горизонтом сознания реципиента, ориентированного исключительно на решение конкретных прагматических задач.

Сложившаяся в переводоведении традиция, восходящая к лингвистическим моделям перевода, склонна абсолютизировать системные соответствия и формальную эквивалентность, оставляя за скобками ключевого участника коммуникативного акта – конечного получателя перевода. Как следствие, возникает парадоксальная ситуация: переводчик, обладающий максимально полным пониманием исходного текста, создает формально безупречный перевод, который тем не менее оказывается коммуникативно несостоятельным, не находит отклика у реципиента или даже вызывает его активное отторжение. Этот разрыв между профессиональным идеалом и коммуникативной реальностью свидетельствует о глубоком теоретическом тупике, преодоление которого требует смены самой исследовательской парадигмы.

Цель данной работы – теоретико-методологическое обоснование реципиент-ориентированного подхода, при котором успех перевода измеряется не его формальным соответствием оригиналу, а способностью стать эффективным инструментом для действия, понимания и интеграции в жизненный мир конкретного получателя. Такой подход предполагает кардинальный пересмотр роли и функции переводчика: из нейтрального транслятора лингвистических кодов он

превращается в активного intersубъективного агента, ответственного за конечный коммуникативный результат.

Для достижения этой цели в исследовании вводятся и получают развернутую разработку три ключевых концепта, составляющих методологический каркас предлагаемой модели. Во-первых, это «эпистемологический интенсификатор» – проактивный механизм систематического накопления, структурирования и применения знаний о нуждах, компетенциях и культурном коде реципиента перевода. Во-вторых, «аналогизирующая апперцепция» – специфический когнитивный процесс, позволяющий переводчику осуществлять проекцию и адаптацию собственного широкого горизонта к ограниченному, но решающему горизонту реципиента. В-третьих, «intersубъективный агент» – новая идентичность переводчика, активно строящего диалог между автором исходного текста и реципиентом и принимающего на себя ответственность за достижение коммуникативной адекватности.

Модель, разрабатываемая в исследовании, предполагает двухэтапный процесс феноменологической конвергенции горизонтов сознания. На первом этапе переводчик, опираясь на эпистемологический интенсификатор, осуществляет добровольную редукцию собственного профессионального кругозора. На втором этапе, используя механизм аналогизирующей апперцепции, он точно проецирует адаптированный смысл в смысловое поле реципиента. Критерием успеха данного процесса является не формальное одобрение со стороны профессионального сообщества, а отсутствие критики со стороны реципиента, что сигнализирует о феноменологическом тождестве сознаний и достижении подлинной коммуникативной адекватности [1, с. 14].

Задачи:

1. Раскрыть сущность и структуру широкого горизонта сознания в феноменологии Э. Гуссерля.
2. Эксплицировать понятие «узкий горизонт сознания» как редуцированного модуса интенциональности.
3. Дать феноменологическое определение переводчика как intersубъективного агента.
4. Дать феноменологическое определение реципиента перевода как активного интерпретатора.
5. Обосновать тезис о необходимости редукции горизонта сознания переводчика в процессе профессиональной деятельности.
6. Обосновать тезис об ограниченности горизонта сознания реципиента перевода.
7. Разработать двухэтапную феноменологическую модель конвергенции горизонтов сознания переводчика и реципиента перевода для достижения intersубъективного понимания.

Гуссерлианские горизонты сознания

Когда мы воспринимаем какой-либо предмет (например, чашку кофе), мы видим не просто бессвязный набор цветов и форм. Мы видим именно *чашку*. Но мы видим только ее переднюю сторону и ручку. То, что дано непосред-

ственно – это «тематическое ядро» (видимая сторона). Широкий горизонт – это всё то, что не дано прямо сейчас – «тематическое ядро», но подразумевается и может быть дано как внутренний горизонт: у чашки есть задняя сторона, дно, внутренняя стенка. Я ожидаю, что, если обойду ее, я увижу именно эти стороны. Этот горизонт – потенциальное раскрытие самого объекта. Внешний горизонт – это когда чашка стоит на столе, рядом лежит книга, за окном шумит город. Это поле сопряженных объектов и фон, в котором существует чашка. Таким образом, сознание никогда не бывает точечным. Оно всегда «заряжено» горизонтом возможностей, который придает миру целостность, осмысленность и связанность [2, с. 158].

Горизонт называется «широким», потому что он принципиально неисчерпаем и открыт. Сколько бы я ни изучал чашку, я никогда не исчерпаю все ее возможные аспекты: под разным углом, при другом свете, на ощупь, ее историю, химический состав и т.д. Каждое новое восприятие открывает новые горизонты. Горизонт одного объекта (чашки) отсылает к горизонту другого (стола), тот – к горизонту комнаты, комнаты – к горизонту дома, города, планеты. Сознание всегда находится *внутри* этого бесконечно разворачивающегося «жизненного мира» [3, с. 222].

Широкий горизонт обеспечивает целостность восприятия. Мы видим мир как мир цельных объектов, а не как калейдоскоп ощущений, именно благодаря горизонту, который «достраивает» объект за нас. Широкий горизонт также делает опыт осмысленным. Ожидание того, что у чашки есть дно, основано на нашем прошлом опыте. Горизонт – это место, где хранится наш предыдущий опыт, который проецируется в будущее в виде ожиданий. И, наконец, он обеспечивает временность сознания. Только что прозвучавший удар колокола еще «держится» в сознании, уходя в прошлое, но оставаясь в поле восприятия (ретенция). Мы ожидаем, что звук затихнет, или что последует следующий удар. Это горизонт будущего (протенция). Сознание, по Гуссерлю, – это всегда поток, «течение», в котором есть горизонт только что бывшего и горизонт вот-вот наступающего.

Узкий горизонт схватывает только «тематическое ядро», игнорируя горизонты. Например, вы видите человека только как «кассира» или «курьера». Его внутренний горизонт (личность, усталость, мечты) и внешний горизонт (место в сложной сети социальных и экономических отношений) для вас не существуют. Объект схватывается утилитарно и функционально и ограничен в своих протенциях (ожиданиях будущего). Сознание с узким горизонтом ожидает лишь самого очевидного, шаблонного развития событий. Оно не способно к удивлению, к восприятию новых возможностей. Например, руководитель с узким горизонтом видит только один путь увеличения прибыли – сокращение издержек. Более широкие горизонты – инвестиции в инновации, новый маркетинг, улучшение корпоративной культуры – для него закрыты. Узкий горизонт также имеет скудный ретенциональный фон – опыт прошлого. Он опирается на ограниченный, стереотипный набор прошлых переживаний. Богатство личного и культурно-исторического опыта не участвует в акте восприятия. Например,

восприятие произведения искусства только как «красивой картинки» без понимания его места в истории искусства, без узнавания отсылок и влияний – это восприятие с узким горизонтом [4, с. 87].

Горизонты сознания в переводе: диалектика широкого сознания и узкого сознания

Но если в теории Гуссерля **широкое сознание – категория положительная, а узкое сознание – категория отрицательная**, то в сфере перевода широкое сознание переводчика, сформированное его профессиональной лингвистической и культурной компетенцией, часто становится источником эпистемологической иллюзии. Переводчик проецирует свое объемное понимание текста на реципиента как универсальную модель восприятия. Однако, реципиент перевода, как правило, функционирует в режиме узкого горизонта, схватывая лишь тематическое ядро, релевантное его сиюминутной прагматической задаче. Его сознание утилитарно и функционально ограничено, оно отфильтровывает избыточную информацию и ожидает лишь самого очевидного, шаблонного развития коммуникативного события. Широкое сознание переводчика, не прошедшее через процедуру феноменологической редукции и не осуществившее аналогизирующую апперцепцию горизонта реципиента, порождает текст, который может быть формально безупречным, но коммуникативно неэффективным. Успех коммуникации измеряется не полнотой передачи исходного содержания, а способностью итогового высказывания стать инструментом для действия, понимания или интеграции реципиента перевода в новый контекст. Следовательно, продуктивная переводческая деятельность требует от переводчика стратегического сужения горизонта до уровня реципиента перевода.

Концепция «широкого сознания переводчика», имплицитно присутствующая в модели Роджера Белла, представляет собой эпистемологическую иллюзию, порожденную абсолютизацией лингвистической компетенции в ущерб прагматическому измерению перевода. Попытка описать переводчика как универсального реципиента и эмитента игнорирует фундаментальную асимметрию между системным характером языка и ситуативной природой коммуникации. Тройственная схема – синтаксическая, семантическая и прагматическая компетенции – хотя и демонстрирует механизм преобразования идей в текстовые реализации, остается замкнутой на интралингвистические процессы, не учитывающие вариативность рецептивных горизонтов. Билингвальный и бикультурный статус переводчика обостряет его метаязыковую рефлексивность, но эта «широта» оказывается источником новых ограничений: оперируя абстрактными пропозициями, переводчик невольно проецирует на реципиенте собственную когнитивную модель, подменяя реального потребителя перевода идеализированным конструктом. В результате возникает парадокс: чем шире лингвистическое сознание переводчика, тем больше он дистанцируется от конкретных прагматических условий коммуникации с потребителем перевода, который является активным участником коммуникативного акта, чье сознание (ноэзис) целенаправленно структурирует и интерпретирует переводящий текст (ноэму) на основе уникального культурного, социального, лингвистического и личностного опы-

та. Удовлетворенность реципиента, определяемая соответствием перевода его ноэтическим ожиданиям, является ключевым критерием адекватности и успешности переводческого высказывания [5, с. 3-4, XIV]. Именно феноменологическое совпадение интенциональности реципиента и интенциональности, заложенной в текст переводчиком, определяет успех перевода, выраженный в метафоре «кормление от толмачного дела» [6, с. 88-128].

Для иллюстрации рассмотрим пример с «усталым советским инженером, учителем или министром, который вечером, после принятия пищи, решает ознакомиться с пьесой о капиталистическом образе жизни» [7, с. 47]. Его ноэзис в данной ситуации не направлен на анализ переводческой стратегии, но интенционально настроен на восприятие целостного художественного произведения на доступном, эстетически приемлемом и грамотном языке. Его ноэма – это не текст-посредник, а законченный артефакт, отвечающий потребности в культурном отдыхе и интеллектуальном сопереживании. Аналогично, заказчик, предоставляющий текст делового предложения, в своем ноэзисе ожидает получить ноэму – текст, который соответствует установленным им прагматическим и формальным критериям. Для его сознания процесс перевода редуцируется до решения конкретной задачи [8].

Помимо набора нужд, реципиент перевода характеризуется определенным уровнем знаний: тематических, лингвистических, культурных и фоновых. Уровень этих знаний напрямую влияет на его ноэтическую деятельность. Фоновые знания предполагают владение информацией об исторических событиях, культурных традициях, социальных нормах, научных достижениях. Ярким примером онтологической значимости фонового знания является инцидент с переводом плана урегулирования в Южной Осетии, где разница в предлогах («для» vs «в») была незначительной на поверхностном уровне, но глубоко идеологически окрашена [9].

Работа на реципиента перевода включает не только знание грамматики и лексики, но и владение стилями, регистрами, понимание идиом, фразеологизмов, подтекста и иронии. Например, использование инверсии, образных сравнений и архаичной лексики в Библии Короля Иакова [10, с. 119] стимулирует любопытство и эстетическое переживание, в то время как более современный перевод Дауэй-Рэймс [11, с. 36] предлагает иную ноэму – прямую и предикативную.

Уровень образования реципиента – ключевой фактор, определяющий его ноэтическую способность к пониманию сложных концепций. Современная глобальная статистика грамотности [12] указывает на существование огромного сегмента малограмотных или неграмотных реципиентов. Игнорирование их потребностей создает барьеры для эффективной коммуникации. Растущий спрос на переводы на упрощенном языке уже находит отражение в адаптации контента. Издательства прямо формулируют необходимость создания текстов, которые «коротко, просто, ясно» отвечают запросам сегмента [13, с. 8-9]. Эта практика исторически обоснована: Мартин Лютер аргументировал необходимость перевода на язык «простых немецких людей» [14, с. 11].

Демографические факторы также влияют на восприятие. «Скверный» перевод «Степки-растрепки» имел успех у детей, потому что его ноэма резонировала с ноэзисом ребенка [15, с. 87, 580]. В свое время эксперт В.С. Колесаев рекомендовал для перевода произведения, четко отражающие идеологическую направленность и способствующие распространению советских ценностей [16, с. 153].

Игнорирование онтологического дуализма (перевод-для-переводчика vs. перевод-для-реципиента) приводит к фундаментальным диссонансам. Например, банковские работники требуют от перевода абсолютной точности, бренд-менеджеры – максимальной компактности, а спортивные тренеры – понятности, даже ценой полной переработки исходного текста. Театральный переводчик должен конституировать в сознании звучащую речь, понимая, что текст пьесы – это не конечный продукт, а «сценарий» для актера [17, с. 79]. Перевод для массовой аудитории должен осуществляться на том языке, «на котором они выражают свои мысли» [18, с. 359-360, 365].

Следовательно, перевод для реципиента – это всегда акт со-творчества и интересубъективного взаимодействия, где конечным критерием успеха является не формальное соответствие исходному тексту, а способность итоговой ноэмы реципиента стать эффективным инструментом для действия, понимания и интеграции в новый контекст [19, с. 41].

Модель достижения тождества сознаний

Ключевым парадоксом в переводоведении является то, что, несмотря на многовековую историю переводческой деятельности, феномен перевода остается в значительной степени непостижимым и теоретически не осмысленным в полной мере. Попытки его объяснения застряли на стадии сбора частных наблюдений. Развитие переводоведения демонстрирует разительный контраст с путем, пройденным биологическими науками: если последние сумели выработать мощные объяснительные теории, то теория перевода, по-видимому, так и не совершила этот решающий шаг [20, с. 3-4]. Среди множества причин одной из главных является внутренняя смысловая неоднозначность самого термина «перевод», которая в сочетании с акцентированием лишь одного из его возможных значений стала основной причиной стагнации. Мы полагаем, что предлагавшиеся до сих пор ответы являются неудовлетворительными потому, что они являются ответами на неверно поставленные вопросы.

Подобно тому, как философская идея Ницше о «воле к власти» претерпела научную трансформацию в биологию в концепцию «эгоистичного гена» Докинза [21, с. 48], в теории перевода может быть предложена подобная трансформация. Исходной философской идеей здесь может выступать принцип «нужд реципиента перевода» как фундаментального двигателя переводческого акта. Научная трансформация этой идеи могла бы заключаться в следующем: что, если фундаментальной единицей перевода является не слово, предложение или даже текст, а потребность реципиента перевода, стремящаяся к своему удовлетворению? Это порождает ключевой научный вопрос: можно ли объяснить недовольство реципиента формально «правильным» переводом как проявление

стратегий, посредством которых реципиент, обладающий узким и специфичным горизонтом сознания, стремится к удовлетворению своих уникальных, утилитарно-функциональных нужд?

В данном случае переводчик, обладающий широким горизонтом сознания, сформированным его профессиональной компетенцией, как мы уже говорили, зачастую оказывается в плену эпистемологической иллюзии, полагая, что его собственное, объемное понимание текста является достаточным условием для успешной коммуникации. Он проецирует на реципиенте свою собственную когнитивную модель, игнорируя тот факт, что сознание реципиента работает в режиме узкого горизонта, схватывая лишь тематическое ядро, релевантное его сиюминутной задаче. Результатом подобного подхода может стать разработка концепции реципиент-ориентированного эквивалента, центральным элементом которой является сам реципиент перевода с его конкретными потребностями.

Компонентами концепции реципиент-ориентированного эквивалента являются:

(1) Обе установки сознания на перевод – естественная и феноменологическая.

Реципиент-ориентированный перевод в естественной установке – это когда перевод рассматривается как внешний по отношению к сознанию. Мы подбираем шаблон для реципиента во внешнем мире, например, в компьютерной базе переводчика. Однако, недовольство даже реципиентоориентированным переводом в естественной установке продолжает иметь место из-за онтически, апофантически и онтологически предпосылочного сознания, которые и представляют собой ограничения естественной установки на перевод, что приводит к потере времени, особенно если перевод – синхронный. Онтически, апофантически и онтологически предпосылочное сознание выступает как пролиферация шаблонов прошлого опыта в сознании переводчика или в компьютерной базе данных переводчика.

Пролиферация шаблонов в сознании переводчика порождается прошлым опытом перевода, который переводчик пытается применить к новой переводческой ситуации, полагаясь на заранее определенные структуры и выражения в результате сбора информации о реципиенте перевода. Ответы на опросы могут быть субъективными и не всегда точно отражать реальные мнения или поведение респондентов. Реципиенты перевода могут отвечать так, как, по их мнению, от них ожидают, или как они хотели бы себя видеть, а не как они на самом деле думают или поступают, а разработка, распространение и анализ опросов требует значительных временных и финансовых затрат, что может быть недоступно для всех организаций. Поэтому мы вынуждены сочетать естественную установку сознания на перевод с феноменологической, которая представляет собой перевод как коррелят сознания.

Феноменологическая установка основана на идее о том, что к реципиенту перевода и к самому переводу нужно относиться беспристрастно: без предварительных переводческих предубеждений, которые блокируют доступ к понима-

нию нужд и потребностей реципиента перевода. Реципиент-ориентированный перевод в феноменологической установке

Реципиент-ориентированный перевод в феноменологической установке обеспечивается за счет методов интерсубъективности, аналогизирующей апперцепции и эпистемологической интенсификации.

Эпистемологический интенсификатор – это проактивный механизм систематического накопления, структурирования и применения знаний, позволяющий переводчику предвосхищать и удовлетворять разнообразные потребности реципиента перевода.

Аналогизирующая апперцепция представляет собой когнитивный механизм, позволяющий интерпретировать новые объекты или события через призму уже накопленного опыта. Этот процесс, описанный в феноменологической традиции [22, с. 68], лежит в основе понимания и интерпретации текста. Как отмечает Л. Витгенштейн, понимание другого возможно лишь через проекцию собственного опыта [23, с. 54]. В контексте перевода этот акт приобретает трёхчастную структуру: редукция собственного горизонта, актуализация универсального опыта и проекция и адаптация.

Интерсубъективный агент в переводоведении понимается как субъект переводческой деятельности, который активно использует эмпатию, глубокое понимание контекста реципиента, его социокультурных, лингвистических и эмоциональных особенностей для оптимизации коммуникации. Этот подход выходит за рамки простого лингвистического перекодирования текста, предполагая создание диалога между автором исходного текста и реципиентом перевода. Как отмечает Эммануэль Левинас, «Превосхождение себя требует эпифании Другого» [24, с. 162], что означает необходимость глубокого понимания переводчиком реципиента.

В идеальном акте реципиент-ориентированного перевода все три механизма работают синхронно: эпистемологический интенсификатор поставляет глубокие знания о реципиенте и предметной области; аналогизирующий апперцептор пропускает эти знания через призму собственного субъективного опыта, находя точки соприкосновения; интерсубъективный агент использует этот синтез для построения моста к сознанию реципиента, выбирая такие слова, тон и стиль, которые конституируют в его сознании максимально близкую к замыслу ноэму.

(2) Качество перевода для его реципиента

Качество перевода для его реципиента становится производной от успешной реализации двойной установки. В этой парадигме качество утрачивает универсальный характер и приобретает контекстуальную и даже ситуативную обусловленность. Качественным считается не тот перевод, который безупречен с точки зрения академических норм, а тот, который достигает своей прагматической цели.

Например, в игровой индустрии буквальный перевод фразы *kill'im for me...* не только стирает нарративную глубину, но и может вызвать семантическую неопределённость у игрока. Переводчик, использующий эпистемологиче-

ский интенсификатор, погружается в игровую вселенную: изучает лор, мотивацию персонажей, правила игры и эмоциональный контекст высказывания. Аналогичные трудности возникают в медицинском переводе. Термин «фармакокинетика» может быть точным, но остаётся непонятным для пациента. Эпистемологический интенсификатор подсказывает переводчику необходимость упрощения – например, «усвоение лекарства» – что повышает коммуникативную эффективность без потери смысловой точности [25, с. 740]. Особую сложность представляют тексты, насыщенные идеологическими или культурными кодами. Как показывает пример детской литературы ГДР, переведённой в Испании [26, с. 32-33], игнорирование идеологического контекста может привести к неверной интерпретации.

Это качество измеряется его функциональностью – способностью текста-реципиента вызывать нужную реакцию, обеспечивать понимание и побуждать к целевым действиям. Яркой иллюстрацией данного тезиса служит эксперимент по переупаковке переводческих услуг, проведенный для аудитории мигрантов. Переводческое бюро столкнулось с проблемой низкой воспринимаемой ценности своего ключевого продукта – «литературного перевода». Мигранты жаловались, что не готовы платить 10 долларов даже вкладчину за час работы переводчика, учитывая небольшой объем текста, который можно качественно перевести за это время. Переводчик, в свою очередь, был не в состоянии физически работать больше 2-3 часов в день над такими сложными задачами из-за высоких когнитивных нагрузок, что ограничивало его общий доход. Переводческое бюро предположила, что проблема заключается не в цене, а в формате услуги. Было решено изменить продукт, сохранив прейскуррант. Вместо «литературного перевода» по 10\$/час был предложен «феноменологический пересказ» по 10\$ за два-три часа работы. Суть нового продукта заключается в том, что литературный перевод (старый продукт) – дословный, аутентичный перевод с максимальным сохранением стилистических и грамматических нюансов оригинала – требует высочайшей концентрации, умственного напряжения и ограничен по времени выполнения (максимум 2-3 часа в день). Феноменологический пересказ (новый продукт) – перевод, сфокусированный на передаче примерного смысла, идей и эмоционального впечатления от текста, а не на дословной точности – легче для ментального восприятия реципиентом перевода, позволяет переводчику работать дольше (целый день) и, как следствие, имеет более выгодную себестоимость и для исполнителя, и для потребителя. Чтобы проверить гипотезу, был проведен А/В-тест. Целевая аудитория, каналы продвижения, цена (10\$) и позиционирование как премиальной услуги не менялись. Единственной переменной был тип услуги: одной группе клиентов предлагали «литературный перевод» за 10\$ в час, а другой – «феноменологический пересказ» за 10\$ за два часа работы. Эксперимент показал ошеломляющий успех нового формата: 98% клиентов в тестовой группе были с радостью готовы платить те же 10 долларов не за 1 час сложного перевода, а за 2 часа работы над «феноменологическим пересказом». «Упаковка услуги» как более длительного процесса создала у заказчиков ощущение лучшего соотношения цены и

объема. Получатели переводов (реципиенты) отметили, что «феноменологический пересказ» зачастую нравился им больше. Тексты были более адаптированными, легче читались и лучше передавали суть оригинала, будучи очищенными от сложных лингвистических конструкторов, непонятных для носителя другой культуры. Для переводчика себестоимость услуги снизилась, а выручка выросла, так как он мог работать больше часов без эмоционального выгорания. Это был «translation success». Эксперимент наглядно продемонстрировал, что успех на рынке переводческих услуг зависит не только от цены и качества, но и от того, как «упакована» и продана сама услуга. Переход от трудоемкого, ограничивающего исполнителя «литературного перевода» к более свободному и психологически комфортному «феноменологическому пересказу» позволил увеличить объемы продаж, удовлетворить клиентов и обеспечить устойчивую бизнес-модель. В контексте перевода это означает, что интенсификатор нацелен не на абстрактную эрудицию, а на формирование «проблемно-ориентированных батарей знаний».

(3) Отсутствие критики со стороны реципиента перевода

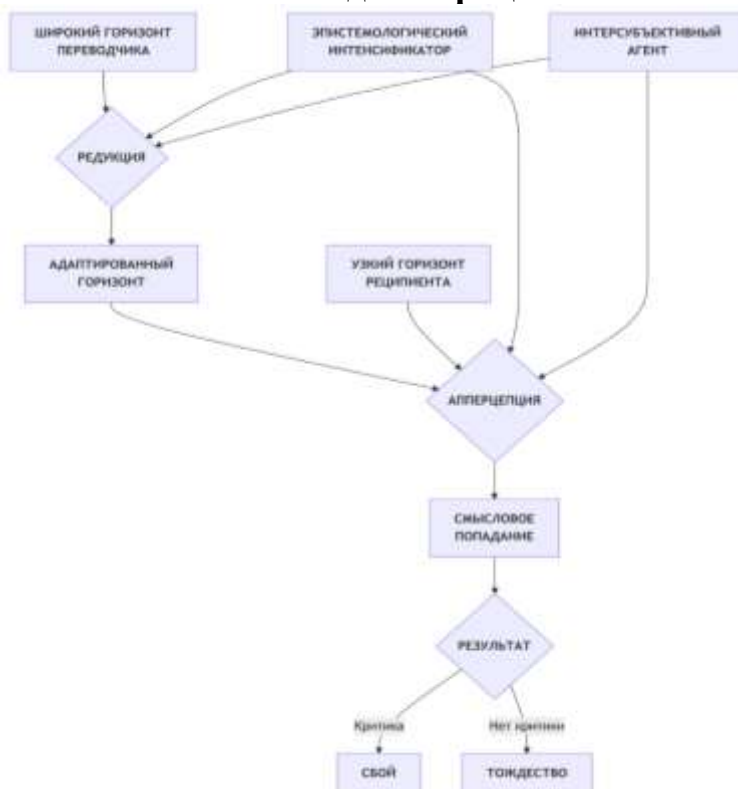
Критерием достижения функционального качества является отсутствие критики со стороны реципиента перевода. В данном контексте отсутствие критики – это не признак пассивности потребителя, а индикатор успешной коммуникации. Если реципиент, обладающий узким, утилитарным горизонтом, не высказывает претензий, это означает, что его ноэтические ожидания встретились с адекватной ноэмой, которую он может беспрепятственно инкорпорировать в свою картину мира и использовать для решения своих задач. Это молчаливое одобрение знаменует собой феноменологическое совпадение интенциональностей.

Практическая значимость интерсубъективного подхода становится особенно очевидной в ситуациях, где недостаточное внимание к контексту и потребностям реципиента приводит к коммуникативным сбоям. Например, во время визита делегации мэра Москвы С. Собянина в Анкару возникла ситуация, связанная с ошибочным переводом слова «nakit» (наличные), что привело к коммуникативной неудаче [27, с. 199]. В данном случае интерсубъективный агент – это переводчик, осознающий динамику взаимодействия, и стремящийся минимизировать негативные последствия для всех сторон. Аналогичная ситуация наблюдалась в компании «Белшина», когда переговоры стали невыгодными, начались игра в непонимание и обвинения переводчика в некомпетентности. По этой причине переводчику следует взять ответственность за ошибки на себя [28].

В реципиент-ориентированном переводе интерсубъективный агент часто отказывается от собственного «авторского голоса», стремясь максимально соответствовать ожиданиям и потребностям реципиента. Например, в медицинском переводе важно не усугубить состояние пациента, поэтому функциональность перевода становится важнее его эстетических качеств [29, с. 1520]. Онтическая реальность заключается в том, что даже качественный перевод может быть непонятен реципиенту, если он не решает его проблему/

Это состояние тождества сознаний, достигнутое через добровольное самоограничение широкого горизонта переводчика и точное попадание в узкий, но решающий горизонт реципиента, находит свое подтверждение в отсутствии обратной связи. Большинство читателей предпочитает простой перевод, сделанный для них. Читатель неоднороден, и то, что трудно для одного круга читателей, может быть простым для другого [30, с. 480]. Поэтому конечным критерием успеха является не формальное соответствие исходному тексту, а способность итоговой ноэмы реципиента стать эффективным инструментом для действия, понимания и интеграции в новый контекст.

Рис. 1: Модель процесса

Лингвистические механизмы феноменологической конвергенции: от горизонта к тексту

Теоретическая модель феноменологической конвергенции сознаний переводчика и реципиента обретает свою операциональность и эмпирическую верифицируемость именно на уровне лингвистических решений. Процессы «аналогизирующей апперцепции» и «добровольной редукции горизонта» – это не умозрительные акты, а конкретные механизмы выбора, материализующиеся в синтаксисе, лексике и прагматической структуре текста. Каждое языковое решение переводчика становится микроактом интересубъективного взаимодействия, где его широкое профессиональное сознание проецируется на лингвокогнитивный профиль реципиента.

Рассмотрим классический пример технического перевода. В английской инструкции к промышленному оборудованию встречается предложение: «*Upon detection of abnormal vibration amplitudes, initiate immediate shutdown sequence via the primary control panel*». Переводчик, чье сознание насыщено терминологией («abnormal vibration amplitudes», «shutdown sequence»), может дать фор-

мально точный вариант: **«При обнаружении аномальных амплитуд вибрации иницируйте немедленную последовательность отключения через основную панель управления»**. Однако, если эпистемологический интенсификатор (как проактивный механизм познания реципиента) указывает, что конечный пользователь – не инженер, а оператор со средним техническим образованием, работающий в стрессовой ситуации, происходит лингвистическая редукция. Широкий горизонт сужается до утилитарной задачи: предотвратить поломку. В результате возникает иной вариант: **«Если аппарат сильно вибрирует, немедленно выключите его красной кнопкой на главном пульте»**. Здесь мы видим целый спектр трансформаций: генерализацию («*abnormal vibration amplitudes*» → «сильно вибрирует»), конкретизацию («*primary control panel*» → «главный пульт»), смысловую модуляцию («*initiate shutdown sequence*» → «выключите... кнопкой») и замену латинского заимствования «иницировать» на общеупотребительный глагол. Это не упрощение, а точная проекция в смысловое поле реципиента, где ключевыми элементами являются субъективно ощущаемая «сильная вибрация» и физический объект «красная кнопка». Отсутствие последующих вопросов от оператора и будет критерием успешной апперцепции.

Лексический выбор служит наиболее чувствительным индикатором этой конвергенции. Возьмем перевод маркетингового слогана для новой линейки спортивных напитков: *«Replenish your potential»*. Переводчик, ориентирующийся на глобальный, усредненный рынок, может выбрать нейтральный вариант **«Восполните свой потенциал»**. Но если эпистемологический интенсификатор выявил, что целевая аудитория в конкретном регионе – молодежь, вовлеченная в уличный спорт и ценящая сленг, горизонт сознания переводчика смещается. Он ищет не словарный эквивалент, а лексему, которая вызовет нужную ассоциацию в узком, но решающем молодежном горизонте. Результатом может/могут стать слоганы **«Заряди свои возможности»** или даже **«Верни себе драйв»**, где «драйв» является культурно-значимой единицей для данной группы. Обратный процесс виден в юридическом переводе. Слово «party» в договоре («*the parties agree*») не может быть модулировано в «участники» или «стороны дела» – только каноническое **«Стороны»** с заглавной буквы попадает в жесткий, нормативный горизонт сознания юриста-реципиента, для которого предсказуемость и стандартность формулировок есть условие профессионального понимания.

Синтаксический уровень демонстрирует, как аналогизирующая апперцепция управляет самой архитектурой высказывания, подстраивая ее под когнитивные паттерны реципиента. Английский синтаксис, с его развитой системой придаточных и причастных оборотов, часто создает информационно плотные конструкции. Например: *«The algorithm, developed by a team of researchers who had previously worked on neural networks, outperformed all existing models»*. Для научной статьи, где реципиент – коллега-исследователь, такой синтаксис может быть сохранен: **«Алгоритм, разработанный командой исследователей, ранее работавших с нейронными сетями, превзошел все существующие»**.

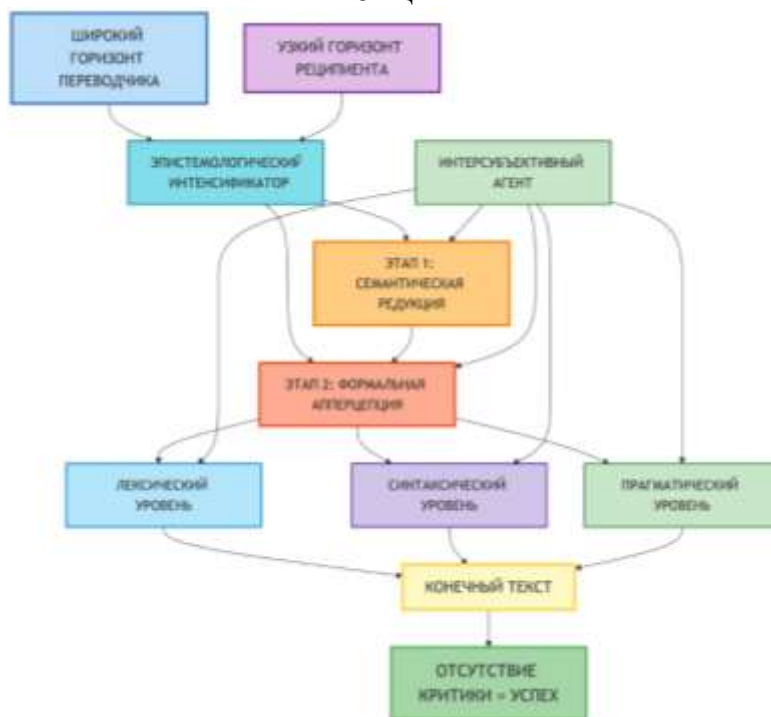
шие модели». Однако для новостной заметки в отраслевом медиа, читаемой руководителями, чей горизонт сознания настроен на быстрое извлечение сути, необходима оперативная редукция. Переводчик осуществит синтаксическое членение, развернув имплицитные смыслы в линейную последовательность: **«Новый алгоритм превзошел все существующие модели. Его разработала команда исследователей. Ранее эти специалисты уже работали с нейронными сетями».** Здесь сложноподчиненная структура превращается в три простых предложения, где каждая рема (новое знание) вынесена в сильную позицию. Это прямое следствие апперцепции: переводчик проецирует себя в ситуацию реципиента, который сканирует текст, а не вдумчиво изучает его.

Особую сложность представляет перевод культурно-специфических концептов, где различие горизонтов проявляется наиболее ярко. Английское «privacy» – не просто «конфиденциальность» или «частная жизнь»; это глубокий культурный концепт, связанный с индивидуальными границами. В тексте о цифровых технологиях фраза «*Users trade privacy for convenience*» может быть переведена буквально: **«Пользователи обменивают приватность на удобство».** Но для реципиента из культуры, где данный концепт не имеет такой исторической и социальной весомости, эта фраза может оказаться семантически «пустой» или воспринята лишь в утилитарном ключе (как вопрос настроек). Переводчик, действующий как **интерсубъективный агент**, должен найти точку соприкосновения. Он может применить метафорическую модуляцию, апеллирующую к более универсальному опыту: **«Пользователи платят личными данными за комфорт»** или **«За удобство приходится расплачиваться потерей контроля над своей информацией».** Это уже не перевод слова, а перевод культурного смысла в понятный для конкретного горизонта рецепции формат. Другой показательный пример – перевод советского реализма «счастливое детство» в детской литературе ГДР для испанского читателя 1970-х. Прямое воспроизведение идеологемы привело бы к коммуникативному сбою, так как горизонт испанского реципиента (возможно, знакомого с диктатурой Франко) был настроен иначе. Успешный перевод потребовал бы редукции идеологического компонента и апперцептивного усиления универсальных тем игры, дружбы, приключения, что в лингвистическом плане выразилось бы в замене оценочных прилагательных и смене акцентов в описании ситуаций.

Таким образом, каждый акт перевода предстает как серия лингвистических микроредукций и апперцептивных проекций. **Эпистемологический интенсификатор** снабжает переводчика знанием не только о предмете, но и о языковой компетенции, когнитивном стиле и культурных кодах реципиента. **Аналогизирующая апперцепция** позволяет пропустить это знание через призму собственного опыта и смоделировать процесс понимания «другим». Наконец, **интерсубъективный агент** материализует эту модель в тексте через конкретный отбор лексем, трансформацию синтаксических структур и адаптацию прагматических ходов. Финальное «отсутствие критики» со стороны реципиента – это не пассивность, а молчаливый знак того, что созданный текст беспрепятственно прошел через фильтры его узкого, утилитарного горизонта и

стал в нем работающим инструментом. Лингвистический анализ, таким образом, не просто иллюстрирует феноменологическую модель, но раскрывает ее как действенный, пошаговый механизм достижения коммуникативного тождества.

Рис. 2: Модель лингвистических механизмов феноменологической конвергенции

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует теоретическую и практическую состоятельность феноменологической модели реципиент-ориентированного перевода. В рамках предложенного подхода преодолевается ключевой парадокс переводоведения – коммуникативный разрыв между профессионально широким горизонтом сознания переводчика и узкопрагматическим горизонтом реципиента.

Разработанная двухэтапная модель конвергенции сознаний, опирающаяся на три методологических концепта – эпистемологический интенсификатор, анализирующую апперцепцию и роль переводчика как интерсубъективного агента – позволяет целенаправленно достигать феноменологического тождества сознаний. Это тождество проявляется не в формальном соответствии текста, а в его функциональной адекватности, подтверждаемой отсутствием критики со стороны реципиента.

Таким образом, предлагаемая модель лингвистических механизмов феноменологической конвергенции позволяет переосмыслить саму сущность перевода, где базовой единицей становится не лингвистический элемент, а прагматически ориентированная потребность реципиента. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию модели и разработку конкретных методик применения предложенных концептов в различных типах перевода.

© Сахневич С.В., 2026

Список источников

1. Bassnett S. Culture and Translation // Companion to Translation Studies. – Clevedon; Buffalo; Toronto, 2007. – P. 14.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
3. Шелер М. Проблемы социологии знания. – Долгопрудный: Торговый Дом ИОИ, 1926. – 304 с.
4. Шпет Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.
5. Bell R. Translation and Translating: Theory and practice. – New York: Longman, 1991. – 298 p.
6. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. 1971. – № 8. – С. 88-128.
7. Гачечиладзе Г.Р. О реализме в искусстве перевода // Актуальные проблемы теории художественного перевода. Материалы Всесоюзного симпозиума. М., 1967. – Т. 1. – С. 47.
8. Янкелевич Е. Трагедия технического перевода [Электронный ресурс] // Обсуждение причин низкого качества технических переводов. 2012. – URL: <http://www.englishwriting.ru/statji/tragediya.php> (дата обращения: 12.08.2018).
9. Французы неточно перевели план Медведева [Электронный ресурс] // Дни.ру. Электрон. дан. 2008. URL: <http://www.dni.ru/polit/2008/9/7/148615.html>
10. Authorised (King James) Version of the Bible Translation // Translation Theory and Practice: a Historical Reader. – New York, 2006. – P. 119.
11. Douay-Rheims Bible – Large Size. – London; Oil City: Baronius Press Limited, 2008. – 2061 p.
12. Двести шестьдесят четыре миллиона детей и подростков во всем мире не ходят в школу – ЮНЕСКО // УНИАН. 2017.
13. Яхнина Ю. Вопрос денег, вопрос репутации // Редактор и перевод. 2002. – С. 62-65.
14. Luther M. Open Letter on Translating. – Hazleton: Pennsylvania State University, 1998. – 20 p.
15. Маршак С.Я. Две беседы С.Я. Маршака с Л.К. Чуковской // Собр. соч.: в 8 т. М., 1971. – Т. 7. – С. 575-592.
16. Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 347 с.
17. Corrigan R. Introduction to Six Plays by Chekhov // Translation Theory and Practice: a Historical Reader. – New York, 2006. – P. 559.
18. Лу Синь, Цюй Цю-бо. Переписка по поводу переводов // Мастерство перевода. 1974. – № 10. – С. 359-365.
19. García-Izquierdo I., Montalt V. Equigeneric and Intergeneric Translation in Patient-Centred Care // Hermes – Journal of Language and Communication in Business. 2013. – No 51. – Pp. 39-51.
20. Bell R. Translation and Translating: Theory and practice. – New York: Longman, 1991. – 298 p.
21. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
22. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
23. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008. – 256 с.
24. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 264 с.

25. Karliner L.S., Jacobs E.A., Chen A.H., Mutha S. Do Professional Interpreters Improve Clinical Care for Patients with Limited English Proficiency? A Systematic Review of the Literature // *Health Services Research*. 2007. – Vol. 42. – No. 2. – Pp. 727-754.
26. Lathey G. *Censorship* // *Routledge Encyclopedia Translation Studies*. – London; New York, 2009. – Pp. 32-33.
27. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высшая школа, 1980. – 199 с.
28. Бурденков Ю. «Странное непонимание» [Электронный ресурс] // Facebook: социальная сеть. Электрон. дан. 2012. URL: https://www.facebook.com/groups/translatorsandtranslations/903531396326293/?notif_t=group_comment (дата обращения: 27.04.2012).
29. Pilegaard M., Ravn H.B. Readability of Patient Information Can Be Improved // *Danish Medical Journal*. – Copenhagen. 2012. – Vol. 59. – No 5. – Pp. 1-5.
30. Горбовецкая Л., Зак М., Субботинская М. Разговор цитат // *Мастерство перевода*. 1970. – Выпуск 7. – С. 477-488.

References

1. Bassnett S. *Culture and Translation* // *Companion to Translation Studies*. – Clevedon; Buffalo; Toronto, 2007. – P. 14.
2. Gusserl' E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. – SPb.: Vladimir Dal', 2004. – 399 p.
3. Sheler M. *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge]. – Dolgoprudnyy: Torgovyy Dom IOI, 1926. – 304 p.
4. Shpet G. *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The Inner Form of the Word: Studies and Variations on Humboldt's Themes]. М.: KomKniga, 2006. – 216 p.
5. Bell R. *Translation and Translating: Theory and practice*. New York: Longman, 1991. – 298 p.
6. Gaspárov M.L. *Bryusov i bukvalizm* [Bryusov and Literalism] // *Masterstvo perevoda*. 1971. – № 8. – Pp. 88-128.
7. Gachechiladze G.R. *O realizme v iskusstve perevoda* [On Realism in the Art of Translation] // *Aktual'nye problemy teorii khudozhestvennogo perevoda. Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma*. М, 1967. – Т. 1 – P. 47.
8. Yankelevich E. *Tragediya tekhnicheskogo perevoda* [The Tragedy of Technical Translation] [Electronic resource] // *Obsuzhdenie prichin nizkogo kachestva tekhnicheskikh perevodov*. 2012. URL: <http://www.englishwriting.ru/statji/tragediya.php> (data obrashcheniya: 12.08.2018).
9. Frantsuzy netochno pereveli plan Medvedeva [The French Inaccurately Translated Medvedev's Plan] [Electronic resource] // *Dni.ru. Electron. data* 2008. – URL: <http://www.dni.ru/polit/2008/9/7/148615.html>
10. *Authorised (King James) Version of the Bible Translation* // *Translation Theory and Practice: a Historical Reader*. – New York, 2006. – P. 119.
11. *Douay-Rheims Bible – Large Size*. – London; Oil City: Baronius Press Limited, 2008. – 2061 p.
12. *Dvesti shest'desyat chetyre milliona detey i podrostkov vo vsem mire ne khodyat v shkolu – YuNESKO* [Two Hundred Sixty-Four Million Children and Adolescents Worldwide Do Not Attend School UNESCO] // *UNIAN*. 2017.
13. Yakhnina Yu. *Vopros deneg, vopros reputatsii* [A Matter of Money, a Matter of Reputation] // *Redaktor i perevod*. 2002. – Pp. 62-65.
14. Luther M. *Open Letter on Translating*. – Hazleton: Pennsylvania State University, 1998. – 20 p.
15. Marshak S.Ya. *Dve besedy S.Ya. Marshaka s L.K. Chukovskoy* [Two Conversations of S.Ya. Marshak with L.K. Chukovskaya] // *Sobr. soch.: v 8 t. M.*, 1971. – Т. 7. – Pp. 575-592.
16. Fateev A.V. *Stalinizm i detskaya literatura v politike nomenklatury SSSR* [Stalinism and Children's Literature in the Policy of the USSR Nomenclature]. – М.: MAKS Press, 2007. – 347 p.

17. Corrigan R. Introduction to Six Plays by Chekhov // Translation Theory and Practice: a Historical Reader. – New York, 2006. – P. 559.
18. Lu Sin', Tsyuy Tsyu-bo. Perepiska po povodu perevodov [Correspondence on Translations] // Masterstvo perevoda. 1974. – № 10. – Pp. 359-365.
19. García-Izquierdo I., Montalt V. Equigeneric and Intergeneric Translation in Patient-Centred Care // Hermes – Journal of Language and Communication in Business. 2013. – No 51. – Pp. 39-51.
20. Bell R. Translation and Translating: Theory and practice. – New York: Longman, 1991. – 298 p.
21. Dokins R. Egoistichnyy gen [The Selfish Gene]. – M.: Mir, 1993. – 318 p.
22. Gusserl' E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. – SPb.: Vladimir Dal', 2004. – 399 p.
23. Vitgenshteyn L. Golubaya i korichnevaya knigi [The Blue and Brown Books]. – Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2008. – 256 p.
24. Levinas E. Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka [Time and the Other. Humanism of the Other Person]. – SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998. – 264 p.
25. Karliner L.S., Jacobs E.A., Chen A.H., Mutha S. Do Professional Interpreters Improve Clinical Care for Patients with Limited English Proficiency? A Systematic Review of the Literature // Health Services Research. 2007. – Vol. 42. – No. 2. – Pp. 727-754.
26. Lathey G. Censorship // Routledge Encyclopedia Translation Studies. – London; New York, 2009. – Pp. 32-33.
27. Popovich A. Problemy khudozhestvennogo perevoda [Problems of Literary Translation]. – M.: Vysshaya shkola, 1980. – 199 p.
28. Burdenkov Yu. «Strannoe neponimanie» [Strange Misunderstanding] [Electronic resource] // Facebook: sotsial'naya set'. Electron. data. 2012. – URL: https://www.facebook.com/groups/translatorsandtranslations/903531396326293/?notif_t=group_comment (data obrashcheniya: 27.04.2012).
29. Pilegaard M., Ravn H.B. Readability of Patient Information Can Be Improved // Danish Medical Journal. – Copenhagen. 2012. – Vol. 59. – No 5. – Pp. 1-5.
30. Gorbovetskaya L., Zak M., Subbotinskaya M. Razgovor tsitat [Conversation of Quotes] // Masterstvo perevoda. 1970. – Vypusk 7. – Pp. 477-488.

Сахневич Сергей Владимирович	кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики, Институт Деловой Карьеры, г. Москва, Россия crash68@yandex.ru
Sakhnevich Sergey Vladimirovich	candidate of philology, associate professor, head of the department of linguistics, Institute of Business Career, Moscow, Russia crash68@yandex.ru